

Евгений ГРИШКОВЕЦ:

Мою пьесу подсунули режиссеру в карман дубленки

Один из самых модных драматургов этого года предпочитает жить в Калининграде и не слишком надеется на популярность своих будущих работ

Комс. правда. — 2000. 16 мая. — с. 17

Еще год назад никто не слышал о таком модном ныне драматурге, как Евгений Гришковец. Сегодня не слышать или не видеть ничего из Гришкова — для театра просто дурной тон.

Уже заласканный критиками молодой драматург пока не превратился в богемного человека. Он так и остался чуть нескладным, смешным, неприглаженным. А по сути, наверное, таким же, как и его пьесы.

— Перед показом «Записок русского путешественника» Райхельгауз сказал, что автор пьесы никому не известен. Якобы молодой человек оставил пьесу и... до сих пор не объявился. Это был тактический ход или тут есть доля истины?

— Это отчасти правда, отчасти ход. С Райхельгаузом мы не были знакомы. Пьесу я отдал Виктору Шамирову, с которым мы приятели. Витя отдал пьесу Райхельгаузу. Причем, как он говорит, затолкал ее в карман дубленки, чтобы Иосиф Леонидович наверняка ее прочел.

— А почему Витя не взял за пьесу сам?

— Он сразу сказал, что не будет это ставить. Может быть, по причине полного отсутствия видимого сюжета, истории.

— А что, в «Зиме», которую поставил Виктор, есть конкретный сюжет?

— Я нахожу сюжет в том, что солдаты попадают на какое-то задание, замерзают и превращаются в зайцев. Правда, в спектакле в итоге они не превращаются в зайцев, и не очень понятно, что они солдаты. Но для Виктора была более важной другая история.

— А в подборе актеров вы принимали участие?

— Нет, никакого. Это все Виктор. Я не видел ни одного прогона, ни одной репетиции. Это было условие, которое поставил Шамиров. И я не стал спорить. У художника должны быть условия, нужные ему.

— Вы большее удовольствие получаете, когда сами играете («Как я съел собаку», «Одновременно») или когда играют «вас»?

— Это абсолютно разное. Но большее удовольствие испытываю, когда прихожу на поставленный спектакль. Все мне рады. Меня сажают на удобное место. Вот сейчас, на премьере «Зимы», я видел, какие замотанные Каплевич, актеры, Шамиров. Наконец начался спектакль. Закончился. Меня тоже позвали на сцену, я вышел, тоже поклонился, и

мне поаплодировали, дали цветочек. Быть драматургом в этой ситуации просто чудесно.

— А как вы себя чувствуете после свалившихся на вас премий? После «Антибукера» и «Золотой маски»?

— Про «Антибукера» я помню, что это было очень важное радостное переживание первого настоящего признания. Эта премия придала значение моей драматургии. И потом... Деньги дали. Это было очень важно. Я же полтора года был совсем без денег. Это ужас. Иногда кто-нибудь подкидывал деньги. Например, Паша Каплевич сунет какие-то деньги или еще что-то. Отец давал мне сто долларов в месяц. Я просто больше не брал. И я пытался на эти деньги выжить вместе с семьей, которая была в Калининграде, и еще приезжать в Москву. А вот «Золотая маска»... До нее и во время на меня изливалось такое количество внимания, что я был в состоянии усталости, которую вообще невозможно передать словами. Если бы на эту церемонию не приехали мои родители и моя жена, а пожалуй, даже не смог бы испытать настоящую радость. А я вдруг ощутил, что у меня вообще никаких эмоций не осталось. Я уже больше

месяца вне дома. Срочно нужно было уезжать в Калининград.

— Вы нигде здесь не оставили своих пьес?

— Нет, нет. И это замечательно. То, что было сделано, все поставлено и все увидено. Причем я же понимаю, что успеха такого масштаба больше не будет.

— Ну почему? Есть масса драматургов, у которых за первым громким успехом следовали не меньшие...

— Я считаю, что у меня не будет так. И это справедливо. Снаряд в одну воронку не попадает дважды.

— Вы с кем-то из тех, с кем работали, подружились в чисто человеческом плане?

— У меня есть восхищение Пашей Каплевичем, но это не дружба. Он пришел на мой спектакль «Как я съел собаку» в Театре Армии во время фестиваля NET и довольно грубо нарушил мое спокойствие. Он внес смятение в нормальную нищую жизнь, сказав: «Ты должен писать пьесу. Без этого ты никому не нужен». Я готов был обидеться, а потом понял: «Почему бы не попробовать?» И, не признаваясь себе в том, что я откликаюсь на это довольно грубое вмеша-



Евгений Гришковец.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Евгений Гришковец — уроженец Кемерово, живет в Калининграде.

Вначале он появился и удивил Москву своими моноспектаклями «Как я съел собаку» и «Одновременно» — странными, непонятными и в то же время говорящими абсолютно о понятном, до боли знакомом.

Полгода назад он представил свое первое большое детище — «Записки русского путешественника», поставленные в театре «Школа современной пьесы» Иосифом Райхельгаузом. После «Записок» и опубликования пьесы «Зима» он получил «Антибукера». А за «Как я съел собаку» Гришковцу дали аж две «Золотые маски». Недавно «Зиму» поставил Виктор Шамиров. Главные роли сыграли Валерий Гаркалин и Андрей Панин.

тельство в мою жизнь, написал «Записки русского путешественника».

— Почему в свое время из Кемерово вы поехали именно в Калининград? Ткнули в карту пальцем?

— Потому что понравился город. Не было никаких причин, определяющих, что нужно ехать туда. Если я поеду в Москву, то придется менять свой способ существования. Если я приду в какой-то театр, надо будет выполнять условия, обязательства, придется зарабатывать больше денег. Все — я ничего не хочу. И потом, пусть у меня лучше будет дом в Калининграде, который я ощущаю как дом, а не квартира где-нибудь за Кольцевой дорогой, которую я буду ощущать непонятно как. Пока я не представляю, как можно создать свой дом здесь. Это же значит привезти семью... Моей дочке Наташе четыре с половиной года...

— А вы с деньгами легко расстаетесь? Любите ли дарить? Ведь вы прошли через безденежье...

— Я очень люблю делать подарки, но пока я еще не избавился от того, что случилось со мной в течение полтора лет. Поэтому пока экономно расходую деньги. Еще не сложился постоянный заработок. А до этого было иначе. То есть жизнь без денег, в таком нищенском состоянии — это унижительное и довольно сильное переживание. Оно оставляет отпечаток в виде какого-то комплекса на довольно долгое время.

— Кроме этого комплекса, вы ощущаете какие-то другие?

— Да. Я ощущаю себя довольно мнительным. Если возникает какая-то обида, мне нужно обязательно дознаться, выяснить все, чтобы этого не осталось. Я не могу ее терпеть, замалчивать. Иначе я ее буду долго чувствовать, не смогу с этим расстаться. Вот это невозможная для меня ситуация. Невыносимая.

Марина ЗЕЛЬЦЕР.



Сцена из спектакля «Зима» — Панин и Гаркалин, почти превращенные в зайцев.